

Я старался во многом помогать деду, например, моей постоянной обязанностью было «дымарить», то есть обкуривать дымом ульи из специального устройства, будучи в шляпе с защитной сеткой и в рукавицах, когда дед осматривал пчелиные семьи и обрабатывал рамки с медом и расплодом. Он же подобную сетку и рукавицы не надевал, чем удивлял меня, так как мне изредка все же от пчел доставалось. Дед, обычно, говорил: «А меня пчелы знают и любят и потому не обижают». О саде помещика я мог судить только по его состоянию в середине 1930 годов, но, по словам деда и отца, почти все так располагалось и до революции, кроме замены части погибших деревьев и посадки новых.

К дощатому домику деда была пристроена мастерская с токарным станком и точилом с ножными приводами. Здесь же были большая наковальня и горн с древесными угольями, температура которых при разогреве металлических поковок регулировалась продувкой воздуха ручными мехами. Естественно, был и верстак для обработки древесины. Я любил наблюдать за работой деда в этой мастерской и порой пытался что-то отковать или острогать сначала шерхебелем и затем – рубанками и даже фуганками. Многим приемам мастерства я научился у деда и благодарен ему за это всю жизнь.

Как писали мне из деревни в 2007 году, жилых домов от 75 осталось только около десятка. Нашего дома тоже нет – здесь теперь пустырь. Церковь из села Дунино купила наш дом, разобрала его и перевезла достаточно крепкий сруб, надеясь восстановить дом. Однако лет десять сруб валялся разобранным и затем его распилили на дрова. Колхоз же полностью развалился. Летом в деревню приезжает много дачников, главным образом из Москвы, купивших пустующие дома. Построены и новые дачи. Территорию барского сада тоже застроили дачами крутые русские из столицы, так как от нас сделали до Егорьевска асфальтированную дорогу и общая длина ее до Москвы составляет всего 180 километров.

4. СЕСТРЫ

Выше я уже говорил, что у меня были две старшие сестры. Клавдия – закончила с перерывами 9 классов в 1947 году и почему-то дальше учиться не стала, а начала работать в колхозе. Отец сумел добиться, чтобы дочь получила паспорт из районных органов, и ее приняла на работу в 1948 году почтальоном. Когда же отец перешел на торфопредприятие «Радовицкий мох», то Клавдию взяли на это предприятие сначала непосредственно на добычу торфа, затем в секретариат и позже – в бухгалтерию. Там в лесу построили новый поселок с названием Радовицкий, где она вышла замуж, но неудачно, так как муж сильно увлекался спиртным и в пьяном виде неоднократно устраивал семейные драки. Последовал развод. После этого бывший муж несколько раз приходил к моим родителям, клялся, что больше пить не будет, уговаривал помочь наладить ему семейную жизнь. В 1952 году Клавдия по вызову средней сестры Валентины

Сестры Валя (слева) и Клавдия

уехала работать бухгалтером в обнесенный ограждением из нескольких рядов колючей проволоки город Лермонтово недалеко от Пятигорска. В 1950 году там было организовано Рудоуправление № 10 (ныне ПО «Алмаз»). Предприятие относилось к Министерству среднего машиностроения, и основной его задачей были поиски в Кавказских горах радиоактивных залежей, их добыча и переработка. Большой объем работ здесь выполняли заключенные. Там Клавдия вышла замуж за Александра Сергеевича Осипова, мастера электро- и газосварочных работ. Он участвовал в Великой Отечественной войне, награжден орденами и медалями; после войны служил старшим сержантом в наших войсках в Австрии. В 1947 году его и еще двоих солдат осудили на четыре года, якобы за кражу какого-то имущества у австрийских граждан, хотя, по его словам, это сделали офицеры, но советских офицеров-коммунистов судить было нельзя, ибо это подрывало авторитет нашей армии в глазах местного населения. Поэтому свалили кражу на простых вояк. Он «тянул» срок в лагере около Пятигорска, где и стал классным сварщиком; в 1950 году Александра реабилитировали и направили в Горьковскую область в Строительное управление, где он работал сварщиком в монтажной конторе. Примерно через год его снова откомандировали в Лермонтово, где он и встретился с Клавдией. Вскоре у Осиповых родилась дочь Надежда.

В 1956 году сестры выхлопотали мне пропуск в Лермонтово, и я приехал туда летом в гости. Однажды, взяв фотоаппарат, я решил взобраться на расположенную, как мне казалось в зоне, гору Шелудивую высотой около 800 метров. Она входит в состав пяти гор – Бештау, Машук, Развалка-Верблюд, Железная и Шелудивая, между которыми и расположен получивший название по количеству гор город Пятигорск. Я достаточно быстро забрался на вершину горы, осмотрел окрестности, обратив внимание на большое количество узких траншей и шурфов в каменистой породе на склонах горы (как после выяснилось, их проделали заключенные для изъятия пород на анализ рудоносности урана), сделал ряд фотоснимков, в том числе сфотографировал и себя на фоне кавказской природы (аппарат имел механизм задержки автоспуска), и стал сходить вниз, обратив внимание, что спуск гораздо труднее подъема. Где-то у подножия горы я услышал гавканье собаки и людские крики с требованием немедленно остановиться. Решив, что это ко мне не относится, я продолжил движение по направлению к по-

селку. И только когда я снова услышал крики и увидел бегущих ко мне солдат с собакой, я остановился, благо уже имел опыт общения с вооруженной охраной у себя на «объекте». Меня положили на землю, связали руки и стали расспрашивать, кто я такой и как тут оказался. Я все рассказал. Меня арестовали и отправили на заставу. Там я снова все рассказал, показав свой паспорт, и был заперт в отдельную комнату. Часа через два меня отпустили, предупредив, чтобы я в Лермонтово никуда больше не лазил. Как оказалось, хорошо, что там, на горе, я не побежал; солдаты имели право стрелять на поражение. Еще я понял, что где-то в проволочном ограждении имелся разрыв, и я через него случайно прошел к горе. А на обратном пути я при пересечении следовой полосы как-то воздействовал на средства охранной сигнализации. Она сработала, потому и выслали солдатский наряд на задержание нарушителя. Почему сигнализация не среагировала при первоначальном моем выходе за пределы охранной зоны, не смогли разобраться даже офицеры на заставе.

В 1957 году Александра направили работать в г. Туру на Урал, а оттуда – в закрытый сначала город Шевченко (теперь Актау – белая гора по-казахски) на когда-то пустынном Мангышлакском полуострове на берегу Каспийского моря, где сооружались ядерные опреснительные установки для обеспечения водой населения и бурно развивающуюся промышленность по добыче радиоактивных руд, нефти и газа, многих редких металлов. Сюда до революции был сослан в солдаты известный украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко, по фамилии которого изначально и назвали новое поселение, которое быстро стало большим и красивым зеленым городом на песчаном берегу моря. Клавдия долго работала здесь начальником почтового отделения, здесь же у Осиповых родились дочери-двойняшки Вера и Люба и им дали хорошую просторную квартиру, а в пустыне – участок площадью в четыре сотки, как и многим другим русским (казахи участки не брали, так как не приучены выращивать что-либо на земле, в первую очередь из-за трудностей с обеспечением пресной водой). На садово-огородные участки проложили водопровод с технически опресненной непитьевой водой. Я был в Шевченко два раза и всегда удивлялся урожайности растений в песках, если их поливать водой. Недаром весной пустыня в течение одной-двух недель бурно покрывается цветущими дикими тюльпанами, появляются грибы, в том числе и белые, а затем жгучее солнце все опять превращает в безжизненное пространство. У Осиповых на участке богато плодоносили персики, виноград, груши, айва и другие южные культуры. Собирали солидные урожаи овощей, часть которых охотно покупали казахи. Там же они соорудили и подземный небольшой бассейн для детворы, на крыше которого тоже росли культурные растения. Осипов на своем автомобиле устраивал мне экскурсии по берегу Каспийского моря и далеко в пустынные пески, где лишь иногда попадались селения казахов из нескольких юрт. А однажды вдалеке показались высокие белые шпили башен древнего города, как мне это подумалось. На фоне колеблющегося сильно нагретого приземного слоя воздуха раскачивались и вибрировали башни, что соз-

давало иллюзию какого-то волшебства. «Что за город?» – спросил я Александра. «Сейчас увидишь сам», – последовал ответ. Оказалось, что так обустроивают казахи в песках захоронения (некрополи) своих родственников. Над могилами они возводят красочные сооружения со шпилями и башнями, соревнуясь в величине и внешнем убранстве этих построек, и аккуратно следят за их сохранностью. Над входом в каждый некрополь находится большой портрет усопшего. А так как на берегу много меловых и из белого ракушечника возвышенностей (казахи гору называют «тау»), то их разрабатывают и изготавливают (пилят) крупногабаритные строительные блоки. Вот из этих белых блоков и строят казахи памятники.

Надя Осипова, окончив 10 классов, поступила учиться в Саратове в техникум и по завершении учебы осталась там работать на оборонном заводе полупроводниковой техники. Одновременно она училась на заочном отделении экономического института, окончив который, стала работать по этой специальности. В настоящее время она трудится в налоговой службе Саратова. Надя вышла замуж и взяла фамилию мужа – Ольховик. Муж, Владимир Васильевич, служил заместителем начальника финансового отдела одного из оборонных заводов. После развала СССР он перешел в финансовую службу управления Приволжской железной дороги. В 1978 году у них родилась дочь Ольга, которая окончила сначала экономический техникум, затем – институт, а потом вышла замуж (стала Очереднюк) и родила дочку Аню.

Люба закончила экономический техникум в г. Шевченко и осталась работать там же, вышла замуж (стала Дедова), родила двоих дочерей – Наташу и Надежду. Наташа по традиции уехала учиться в техникум в Саратов (благо жить можно было у тети Нади), закончила его, стала работать и вечерами учиться в Политехническом институте. Здесь встретила и будущего мужа (Дмитрия), сменила фамилию на Яровая, родила сына Илью. Я в мае 2007 года был у них в Саратове. Надя тоже уехала в 2003 году в Саратов, закончила там техникум и стала учиться на вечернем отделении в институте. В 2007 году она уехала в Москву, но учебу не прервала, а перевелась на заочное отделение; в начале 2009 года защитила диплом.

Муж Любы – Сергей – работал в Шевченко главным инженером строительного управления. В 1992 году я был в Шевченко и Сергей устроил мне экскурсию на завод по производству зубных паст на основе итальянской технологии. В одном из цехов мне подарили коробку с 25 тюбиками такой пасты, и я даже пообщался с итальянским специалистом. Он сказал, что это самая дешевая и наиболее качественная паста в мире, так как меловая гора, из которой берут камень для переработки, сразу имеет сверхмелкодисперсную структуру, и поэтому не требуется трудозатратный процесс ее многократного перемалывания. Паста в самом деле хорошо снимала зубной налет и была приятной на вкус (на органолептику). Последующие попытки достать такую пасту в России не увенчались успехом. С обретением Казахстаном самостоятельности строительство там сильно сократилось и начал действовать национальный «табель о рангах».

Русский на должности главного инженера не должен был находиться, и Сергей оказался безработным. Стали из Шевченко всячески выжимать русских, обворовывать квартиры и садовые участки, отключали подачу воды, в результате чего сады погибли. Управы какой-либо на эти безобразия у местной власти найти было невозможно. Муж Клавдии, пользуясь своими заслугами (член горсовета, заслуженный строитель, участник войны, прожил почти 40 лет в городе и др.), пытался отстоять свои права и права других русских, но ему неоднократно давали понять, что тебе, иностранец, необходимо как можно скорее и безопаснее покинуть город. С 1995 года началось бегство русских из Шевченко и вообще из Казахстана. Осиповы и Дедовы стали искать варианты разрешения этой непростой ситуации. Несколько знакомых русских семей перебрались на север Казахстана в Кустанайскую область, где казахов было мало, так как эту область Л. И. Брежнев выделил из РСФСР во время освоения целинных земель и передал ее Казахстану. Там значительную часть населения составляли немцы, высланные И. В. Сталиным из Поволжья во время войны и после нее. Уехавшие знакомые сообщили Осиповым, что дешево купили хорошее жилье в районном поселке Октябрьский, где до недавнего времени жили только немцы, что там все благоустроено (дороги только асфальтированные, центральные отопление, водопровод, канализация, сплошная телефонизация даже в прилегающих к поселку деревнях) и что есть еще свободное недорогое жилье как в многоэтажных, так и в частных домах с земельными участками. С. Дедов отправился туда на разведку и ему место понравилось, тем более, что продолжалось недалеко от поселка крупное строительство рудников по перспективной добыче полезных ископаемых, начатое еще во времена СССР, и где Сереже предложили работу. Короче говоря, продав очень дешево свои квартиры с рассрочкой выплат (покупателей удалось найти с трудом), Осиповы и Дедовы переехали в 1997 году в Октябрьский, причем первые купили частный дом, а Дедовы – квартиру на третьем этаже. Клавдия очень радовалась обустроенности купленного ими кирпичного дома со всеми удобствами, присущими современной городской квартире. Немцы оставили им погреб, забитый овощами и всякими консервированными продуктами, а также некоторую дворовую живность. Но радость длилась недолго. После отъезда немцев в поселок стали заселяться казахи, опять начались безобразия, правда, в меньших масштабах, чем в Шевченко. Резко уменьшилась пенсия участникам войны по сравнению с российскими выплатами, и Александр Сергеевич Осипов очень переживал и нервничал в связи с этим (я с ним несколько раз разговаривал по телефону, в том числе и по данному вопросу). Но самое плохое – это полное прекращение указанного строительства рудников и соответствующих служб и сокращение всего персонала. Сережа в числе многих превратился опять в безработного, таковой стала и Люба. Чтобы как-то существовать, она с прежней своей знакомой арендовала небольшую площадь и занялась частной торговлей, завозя продукты и товары из достаточно крупного по казахским меркам города – Лисаковска (40 км от Октябрьского). Покупательная способность населения была низкой, и потому

торговля давала возможность только зарабатывать на пропитание. В добавок ко всем иным неприятностям частные дома полностью отключили от центральных коммуникаций, сняли телефонную сеть. Стало необходимым теперь доставать дрова и уголь, топить печь, греть воду и т. д. Начались поиски путей выехать в Россию, но оказалось, что жилье продать достойно маловероятно, а других возможностей приобрести денег на покупку жилья нет. Сережа перебивался мелкими частными подработками, а в 2002 году уехал в Российскую Федерацию и устроился здесь на работу, периодически посещая семью в Казахстане (в конце 2007 года он начал работать старшим прорабом уже в Саратове, однако из-за экономического кризиса строительство с начала 2009 года здесь остановилось.). Такая нервозность на старости лет сильно подорвала здоровье и А. С. Осипова, и он 13 марта 2002 года скончался. Клавдия же перебралась из индивидуального дома в многоэтажный дом к дочери Любе, продав свое подворье.

Вера окончила Алма-Атинский финансовый техникум по бухгалтерской специальности, уехала работать опять же в Саратов, там вышла замуж (стала Бояринцева), родила дочек Катю и Викторию. Муж ее был коммерсантом, хорошо зарабатывал, однако их однажды обокрали так, что вывезли из частного дома практически все вещи, мебель и одежду. Это сильно повлияло на психику мужа, и он на несколько лет стал нетрудоспособным. Семья Бояринцевых материально жила очень трудно; Вера, кроме основной работы, подрабатывала еще вечерами и выращивала на приусадебном участке овощи и фрукты. Постепенно здоровье мужа улучшилось, и он начал снова работать. Катя в 2008 году вышла замуж и родила сына Тимошку.

Вторая моя сестра – Валентина – закончила среднюю школу и уехала учиться в Рязань на курсы планово-сметных работников. По завершении курсов ее направили работать специалистом по нормированию труда в закрытый поселок Лермонтово, о чем уже упомянуто выше. Сначала она жила в общежитии, потом снимала комнату в частном доме на станции Белый уголь (по направлению к Кисловодску) у очень добрых хозяев. Глава семьи дядя Коля (Н. Кузнецов) служил проводником в Кавказской геологической экспедиции, хорошо знал горы Кавказа, исходил с детства многие из них, будучи лесничим и охотником. Практически с весны до осени домашние его не видели, а поздней осенью и зимой он находился дома, проводя так отпуск и заработанные отгулы. Когда я был в гостях у сестер в 1956 году, а также и позже (после отъезда сестер с Кавказа) при поездках в санатории в Ессентуки и Пятигорск, я обязательно заезжал к Кузнецовым. Дядя Коля много и интересно рассказывал о своих приключениях и событиях в горах, о встречах с разными дикими животными, о предательстве участников экспедиций, когда они попадали в трудные, а иногда и драматические условия, о розыске и добыче мумие, о подделках геологами мумие и о продаже его людям как добротного лекарства. Рассказчиком он был отменным, первоначально завлекал всякими интригами, а потом постепенно их раскручивал и расшифровывал. Жаль, что никто не удосужился записать его истории на магнитофон.

При литературной обработке могли бы получиться они очень интересными и познавательными – типа произведений В. К. Арсеньева, известного исследователя «белых пятен» на территории Уссурийского края, Сихоте-Алиня и Дальнего Востока в период 1906–1930-х годов [6], Л. Б. Сабанеева [7] и других. (Я в школьные годы зачитывался этими книгами, собираясь стать геологом.) Дядя Коля мне четко доказывал, что мумие – это продукт длительного воздействия природных факторов на экскременты грызунов и белок, живущих в горах. А так как он был естественно и охотник, то мог в горах определять места прошлых обитаний этих животных, в связи с чем у него дома всегда имелось настоящее мумие. Дядя Коля подарил мне сохранившуюся до сих пор пластиковую коробку-кассету с 30 образцами разных горных пород с названиями минералов и мест их добычи; такие сувенирные коробки изготавливались в мастерских Кавказской геологической экспедиции для своих отличившихся работников. К сожалению, четыре наиболее ценных и красивых образца (яшма цветная, амазонит, халцедон цветной, горный хрусталь) затем затеряли внуки.

В Лермонтово Валентина вышла замуж (стала Ровышина), но по ряду обстоятельств через год с небольшим последовал развод. В 1957 году ее откомандировали в г. Глазов на циркониевый комбинат, затем – в г. Киров, а оттуда – в г. Челябинск-67 (НИИ-1011, РФЯЦ-ВНИИТФ, ныне г. Снежинск). Там сестра вторично вышла замуж за вдовца – Самойлина Владимира – с двумя маленькими сыновьями. Я бывал у них в гостях, мне очень нравилась природа Уральских гор, обилие рыбных озер и водоемов. Да и Снежинск расположен в довольно узком красивом перешейке между двумя большими озерами – Синарой и Силачем – так, что ограждение города-ЗАТО колючей проволокой сделано частично по воде. В ограждениях имеются пропускные ворота для выезда на собственных моторных лодках (а их имеют многие жители) на рыбалку или отдых за пределы зоны. Отсюда можно доплыть и до Ледовитого океана. Один торец садового участка сестры ограничивался берегом озера Силач. Однажды, будучи у сестры летом, я спросил у ее мужа, есть ли в озере рыба. «Ты что, хочешь свежей рыбы? Здесь очень много щук, но мы их не любим. Однако сейчас поймаем», – последовал ответ Владимира. Он быстренько накопал дождевых червей, достал из пристройки к садовому домику три удочки с раздвижными длинными удилищами, снабженными колокольчиками, насадил по несколько червей на тройниковые крючки и забросил снасти. Тут же начались поклевки с перезвонами, и после ряда срывов он вытащил на берег трех щук весом каждая примерно по килограмму. Вспомнив это, я тут же ощутил вкус душистой свежеприготовленной на садовом очаге рыбы, да еще с зеленым лучком, петрушкой, укропом и стопочкой водки! Да разве можно такую щуку не любить! В 1977 году муж Валентины, выйдя на пенсию, через неделю скорострительно скончался на пороге своего гаража. Однако жизнь продолжалась. Сыновья – Слава и Толя – выросли, выучились, создали свои семьи. Но Толя тоже внезапно умер, всего-то в возрасте 44 лет, не успев поставить на ноги детей. Очень славный был парень, не пил, не курил, занимался

спортом; его мне чрезвычайно жалко. Сестра же, прожив лет пятнадцать одна, сошлась тоже с вдовцом. Он бывший военный. Я был в Снежинске в 2001 году на международной конференции (6-е Забабахинские научные чтения) и впервые познакомился с мужем сестры – Михаилом Петровичем – и с некоторыми его родственниками. Часть из них жила вне зоны, в том числе в г. Касли, где есть уникальный мирового значения завод художественного литья из чугуна. (Я побывал тогда в музее каслинского литья и был удивлен мастерством дореволюционных и современных специалистов, приобрел там ряд сувениров из чугуна). Муж и его родственники произвели на меня самое благоприятное впечатление. Вновь, как и когда-то, были экскурсии по городу и окрестностям, поездка на садово-огородный участок, на берег озера Силач. Однако в мае 2005 года Михаил Петрович скончался, и встал вопрос – где и с кем жить дальше. Со старшим сыном и его семьей отношения как-то не сложились, жена Анатолия тоже вышла замуж.

А тут Клавдия и семья ее дочери Любы объявили в ноябре 2006 года, что они уезжают из Казахстана в Саратов, где подыскали себе квартиру и где давно обосновались дочери Клавдии (Надя и Вера) и Любы (Наташа и Надежда). И Валя тоже решила уехать в Саратов к более близким родственникам. Она продала свое жилье в Снежинске и, купив однокомнатную квартиру рядом с родственниками, переехала в ноябре 2006 года в Саратов. Клавдии и Любе долго не разрешали выезд из Казахстана, требовали официальную справку, что отец Клавдии похоронен в России (мне лично непонятно, зачем это надо, так как мать наша осталась в казахстанской земле, да и муж Клавдии тоже там же). Я такую справку в ЗАГСе в Сарове получил и выслал сестре, хотя здесь мне тоже не смогли объяснить, для чего это нужно. К сожалению, в это время Клавдия серьезно заболела, ей сделали операцию на желудке. Когда со здоровьем стало получше, Клавдия и Люба в конце декабря 2006 года продали квартиру в Октябрьском и переехали в Саратов. Жили они здесь сначала трудно: Люба не могла устроиться на работу, а Клавдия не получала пенсию, так как у них гражданство оставалось казахстанским и требовалось переоформить его на российское. А для этого бывшим гражданам СССР очень много надо походить и побегать, хотя существует закон об ускоренном оформлении такого гражданства. Тем не менее все удалось, и в феврале 2007 года Клавдия и Люба опять стали гражданами России. Но в марте здоровье Клавдии резко ухудшилось, и за ней потребовался непрерывный уход. Я съездил в начале мая 2007 года в Саратов, повидался и поговорил с Клавдией и с остальными родственниками, посмотрел их очередное жилье. Теперь, когда они собрались все вместе, только и надо бы жить да радоваться. Однако 19 мая 2007 года Клавдии не стало, и ее похоронили в Саратове. Так судьба далеко разметала дорогих сердцу моему родственников, к кому-то из них не попадешь даже на могилу: мать похоронена в земле Казахстана, в Актау (г. Шевченко), Александр Семенович Осипов – на севере Казахстана в поселке Октябрьский, сестра Клавдия – в Саратове, мой отец – в Арзамасе-16 (г. Саров), дед (со стороны отца) – в селе Дунино Рязанской области, бабушка – где-то в Смоленской области.